

Педер Хузангай (1907-1970)

Имя народного поэта Чувашии Педера Хузангай широко известно и за пределами нашей страны - его стихи и поэмы изданы на многих языках народов мира. Он был не только поэтом, но и пламенным трибуном, публицистом и видным общественным деятелем.

Петр Петрович Хузангай родился 22 января 1907 года в селе Сиктерме (ныне Алькеевского района Татарской Республики) в крестьянской семье. Стихи писать начал рано - первые произведения поэта увидели свет в 1919-1920 годах в рукописном журнале «Голос учащихся». По-настоящему творческий голос его прорезался в годы учебы в Казанском чувашском педтехникуме (1923-1925). Это учебное заведение в те годы являлось настоящим образовательным и культурным центром чувашей, где преподавали именитые чувашские ученые и педагоги Н. И. Ашмарин, Н. В. Никольский, В. Г. Егоров и др. Позже поэт с благодарностью вспоминал годы учебы в педтехникуме. В 1927 году Хузангай поступил в Казанский Восточно-педагогический институт, хотя к этому времени он уже был самым известным среди молодых чувашских поэтов. В эти годы Хузангай много путешествовал, в том числе и в Средней Азии. По признанию поэта, эта поездка была ему необходима для того, чтобы «подышать воздухом того края, где жили и творили Саади, Хафиз, Омар Хайям», где до него побывал его кумир С. Есенин и воспел эти сказочные места в «Персидских мотивах». Но вряд ли бы Хузангай сумел понять и войти в волшебный мир лирики Есенина, если бы в самом начале творческого пути не прошел поэтическую школу Сеспеля. Это был своеобразный этап в становлении молодого дарования. До Сеспеля никто в чувашской поэзии так глубоко и достоверно не раскрывал интимных, личностных сторон психологии чуваша. В лирическом герое Сеспеля Хузангаю импонировало активное

волевое начало, созидательный порыв. Точно подметил эту связь критик Атнер Хузангай: «Являясь продолжателем Сеспеля в отечественной поэзии, Хузангай в значительной степени расширил действие сеспелевских принципов, исходя из личного опыта и мироощущения». Хузангаю близки были в поэзии Сеспеля гражданские мотивы, пламенный патриотизм, небывало богатая палитра красок, словесно-поэтических приемов. В то же время печатью своеобразия отмечены лирические стихи поэта о любви, дружбе, природе родного края. То есть Хузангай более свободен, раскован в выражении самых сокровенных чувств и глубинных переживаний. Эта особенность его поэзии бросается в глаза уже в первом поэтическом сборнике под названием «Когда прояснилось» (1928). В стихотворениях Хузангай не раз признается, что «пьянеет» от волшебной лирики Есенина, в творческой жизни переживает своеобразный период подражания русскому поэту. Есенинские интонации и ритмика пронизывают весь цикл стихов о любви.

Сядь-ка рядом, милая, со мной.

О заветном помолчим вдвоем.

Долго ли под ясною луной

Нам гореть томительным огнем?

Есенинские мотивы и средства образности с особой полнотой отразились в цикле стихов «Черная чадра». Здесь не только география и различные лики южной природы (Персия), но и образы персидских поэтов, воспетых Есениным. Или, скажем, образ месяца - «покровителя лирики земной» - в мире чувств и переживаний лирического героя Хузангая он выполняет важную психологическую функцию. Поэт использует утвердившиеся в поэзии Есенина композиционные приемы и жанровые формы («Письмо матери», «Ответ», «Собаке богача» и др.). Вслед за русским поэтом Хузангай в своей лирике противопоставляет

деревню и город, в восприятии деревенского юноши город и горожане выглядят символом бездушия и жестокости. Но, подражая Есенину, творчески заимствуя достижения русского поэта, Хузангай неустанно искал свой голос, торил пока пусть не широкую, но собственную тропинку в чувашской поэзии, это было начало пути.

Поездка в Среднюю Азию обогатила Хузангаю жизненными впечатлениями, дала возможность поближе познакомиться с культурой, жизнью и бытом тюркских народов. Эти наблюдения легли в основу поэмы «Двадцать шесть» (1928), показывающей кровавые события гражданской войны. Это произведение примечательно тем, что в нем отразился творческий рост поэта, его неустанная работа по овладению большими художественными формами.

В эти же годы Хузангай «открывает» для себя поэтический мир Маяковского, усиленно работает над творческим усвоением поэтики и ритмики русского поэта. Этот напряженный труд обогатил не только поэзию Хузангаю, он расширил художественный мир чувашской поэзии, открыл перед ней новые творческие перспективы и возможности. Здесь не обошлось и без потерь - поэт преодолевает ступеньки подражательности и ученичества, нетрадиционная художественная форма Маяковского требовала вдумчивого, творческого осмысления.

На рубеже 20-30-х годов Хузангай напряженно ищет возможности овладения эпической формой в поэзии, создает ряд поэм («Поэт и миссионер», «Сегодняшняя поэма» и др.). Поэмное мышление позволило поэту масштабно осмыслить важные проблемы, связанные с дореволюционной культурой народа, воссоздать образы И. Я. Яковлева, К. Иванова, а также панорамно отразить современную жизнь.

В 1932 году Хузангай создает поэму «Магнит-гора», в которой изображает строительство крупнейшего в стране индустриального центра - Магнитогорского комбината. Эта поэма в известном смысле

есть результат выполнения «социального заказа». Тем не менее в разработке этой трудной, в то же время совершенно новой для молодой чувашской поэзии темы Хузангай показал себя как возмужалый мастер эпической жанровой формы. Творческая учеба у Маяковского не прошла бесследно. Хузангай в качестве корреспондента от чувашской газеты «Коммунар» побывал в Магнитогорске, проникновенно почувствовал пульс гигантской стройки, что позволило ему создать целую галерею художественно обобщенных и ярко индивидуализированных образов. Перед читателем встают живые человеческие характеры инженера Лунина, забойщика Жуйбороды, бригадира монтажников чуваша Терендея Сехре, Хведера Кышмана и многих других. Изменение характеров героев обусловлено определенными обстоятельствами, влиянием окружающей среды, хотя и не удалось автору избежать некоторого схематизма и прямолинейности в воссоздании этого процесса. Художественному миру поэмы недостает пластичности. А отдельные портреты недостаточно образны, что не в последнюю очередь связано со своеобразием жанровой формы поэмы, «сотканной» из репортажа с места событий, очерковых элементов.

К середине 30-х годов поэзия Хузангая обогащается философскими раздумьями об историческом прошлом родного народа, поэт ощущает свою кровную связь с поэтическим наследием К. Иванова, М. Сеспеля, И. Тхти, в полной мере отдает себе отчет в том, что без сохранения здоровых традиций, ценностей классической литературы невозможно развивать современную культуру. Лирический герой поэта предается размышлениям на месте древнего булгаро-волжского города Сувар, где ведутся археологические раскопки. Здесь жили его далекие предки, они также мечтали о счастливой и гармоничной жизни, многие полегли в жестоком и неравном бою с монголами («Археологу»). Побывав в тех краях, где родился и расправил крылья своей поэзии К. Иванов,

Хузангай создал цикл прекрасных стихов под названием «В стране Нарспи» (1934). В этих стихах выражены не только внешние впечатления и наблюдения автора, он глубоко переживает трагическую судьбу великого поэта и воспетых его музой героев. Также во всем творчестве проходит образ революционного поэта Сеспеля, в частности в стихотворении «Сеспель в Крыму» (1936). Текст стиха построен в форме монолога поэта, вынужденно скитающегося на чужбине. Он чувствует приближение конца и обращает свои мысли к Родине, чувашской земле:

Но где б ни пришлось мне.
Лежать от тебя в отдаленье,
Надежду мне дай,
Что призыв мой не сгинет во мгле.
Дай веру, что голос мой -
Эхо огня и моленья -
Поддержат поэты,
Явившись на нашей земле.

Таким образом, в эти трагические тридцатые годы муза Хузангая искала и находила вдохновение и слово правды в диалоге с бессмертными именами К. Иванова, М. Сеспеля и др.

В годы Великой Отечественной войны Хузангай воевал с оружием в руках, до последних дней ее был на передовой, был тяжело ранен. В качестве военного корреспондента печатал очерки, корреспонденции на страницах дивизионных газет. Лирика Хузангая фронтового периода носит мощный заряд патриотизма, она наполнена верой в конечную победу над фашистскими захватчиками («Солдатская фляжка давно уже пуста...», «Смело вперед!», «Не сдадим свободный город...», «Гусей протяжный крик...» и др).

Из произведений поэта эпической формы особо выделяется поэма «Таня», написанная в апреле 1942 года. В ее основу положены действительные события и факты военных лет. Хузангай воспеваает несгибаемый, мужественный характер юной партизанки Тани. Отраженные в поэме события, героическая смерть девушки, зверство фашистов в душе читателя порождают вовсе не чувства пессимизма и бессилия, они заряжают оптимизмом и надеждой. Ведь подлинную немецкую культуру создавали не фашистские агрессоры, а Гете и Бетховен, которые уже стали органической частью мира Тани как явления общечеловеческих ценностей. Надо отметить и особую лирически окрашенную тональность и песенную мелодичность поэмы. Это произведение относится к числу лучших достижений чувашской поэзии периода войны.

В творчестве Хузангая послевоенных лет значительное место занимают наблюдения и впечатления фронтовика, его опыт познания человеческой психологии, характера в трагических условиях жизни. Вместе с тем поэт пристально вглядывается в процессы, связанные с послевоенным строительством в области экономики, политики и культуры, как всегда участвует в них активно.

Крупным достижением Хузангая стал роман в стихах «Род Аптрамана», над которым автор работал около полутора десятка лет. Время наложило свой отпечаток как на содержание, так и на форму произведения: все глубже, философичнее становится мысль поэта, оттачивается мастерство, накапливается жизненный опыт. Огромный опыт был получен в процессе перевода на чувашский язык романа «Евгений Онегин» Пушкина, этой энциклопедии жизни русского народа. В самом названии романа ощутима неразрывная связь характеров изображенных героев с жизнью народа - именно из нее черпают «Аптраманы» крепость духа, ум, доброту, оптимизм и стойкость. В

романе показано несколько поколений рода Аптраманов, начиная с «патриарха» Унизьма и кончая совсем юными его представителями - Эндри, Натали, Герман, Верук и др. Показывая реальные, вместе с тем психологически мотивированные поступки и действия героев, Хузангай сумел правдиво отразить как фронтовые события и сцены, так и тяжелую жизнь тыла. Таким образом, читатель приходит к мысли, что род Аптраманов олицетворяет лучшие качества народного характера в целом. Колоритные бытовые сцены и реалии, запоминающиеся художественные детали служат раскрытию человеческих характеров, колоритно оттеняя в них национальные особенности. При этом Хузангаю не удалось избежать некоторой идеализации реальной действительности, что в определенной степени обуславливалось влиянием господствующей тогда теории бесконфликтности; ведь политические установки жестко диктовали необходимость изображения жизни в «революционном развитии». Эти требования явились тормозом не только для творчества Хузангая, но и всей отечественной литературы послевоенной поры. В этих условиях, когда приходилось «наступать на горло собственной песне», Хузангай неустанно занимается художественным переводом с разных языков. Его перу принадлежат переводы произведений Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Блока, Маяковского, Шекспира, болгарских поэтов. Он совершает поездки за рубеж, расширяет и укрепляет связи чувашской литературы с литературами других народов.

В 1950 году Хузангаю было присвоено почетное звание народного поэта Чувашии. А позже он стал лауреатом премий им. К. В. Иванова (1967) и им. М. Сеспеля (1970). Это было заслуженное признание народом подвижнического труда своего талантливой сына. Именно в эти годы поэзия Хузангая обогащается глубоко философскими стихами и поэмами, расширяется ее тематика, а голос поэта-трибуна обретает

еще большую звучность и уверенность. В лучших стихах этого периода поэт сумел выразить сыновнюю любовь к земле чувашской, волжским просторам, неброской природе родного края. При этом лирический герой Хузангая глубоко чувствует неразрывную связь своей малой родины с необъятной Россией («Дуб над Волгой», «Глаз Волги», «Желудь», «Чувашия, моя земля!», и др.). Действительно, только тот может быть настоящим интернационалистом, кто преданно любит свой народ и отцовскую землю:

Я синью глаз не наделен,
Не славянин я крутоплечий,
И волосы мои - не лен,
И сердцем я чуваш, и речью,
Но я солдатом русским был -
Так звали все меня народы.
Навек я с детства полюбил Россию - родину свободы.

Многие стихи Хузангая посвящены русским поэтам, у которых он до последних дней жизни учился искусству словотворчества («Здравствуй, Пушкин», поэма «В гостях у Есенина» и др.). Также теме дружбы народов посвящены «кавказский», «болгарский» и другие циклы стихов. Глубоко философичен предсмертный цикл стихов «Вздыбленные волны».

И все же вершиной поэтического творчества Хузангая является цикл стихов под названием «Песни Тилли». Известно, что к работе над этим циклом поэт приступил в 60-е годы. Вместе с тем он роздан индивидуально-творческим сознанием современного поэта, отшлифован вдохновенным пером крупного таланта и редкого знатока чувашского языка. Тилли - носитель лучших черт чувашского национального характера, он - плоть от плоти народа. Заслуга Хузангая главным образом в том и заключается, что он в зеркале мировосприятия

отдельной личности или художественно обобщенного типа сумел вместить целостный космос бытия чувашского народа, т.е. далекое прошлое и современность, мир внешний и внутренний, глубоко затаенный. Космологизм мышления чуваша подчеркивает вся атмосфера, окружающая героя среда, человеческий мир. Это ценности, созданные и сохраненные народным духом, разумом, памятью. В этом стройном космосе народного бытия, рядом с современными реалиями находятся пласты мифологического мироощущения, т.е. лики и приметы еще не «расколдованного» мира. Пронзительный талант поэта проник в глубинные колодцы «коллективного бессознательного» чувашского народа, из этих колодцев он черпает неувядаемые ценности, краски, идеи. Так вновь оживают архетипические образы. Поэтому Тилли молод и одновременно наделен сократовской мудростью.-

Росли мы дружно, чтя свою родню,
Как пять рябинок на одном корню.
Из братьев самый меньший - я, Тилли.
Меня, благословив, так нарекли.
Рожден пригожим, стал я молодцом.
Меня за это балуют мать с отцом.
Для стариков есть разум у меня.
Для девушки - глаза полны огня.

За этим образом стоит огромная типизирующая сила, отражающая ум человека, его красоту и доброту. Душе Тилли свойственно сострадание, способность воспринимать чужую боль, но при этом он не впадает в уныние. Он обладает чувством юмора, являющимся спасительной силой даже в безнадежных обстоятельствах. Тилли песней разгоняет тоску, играет на скрипке, веселится вместе с другими. Это талантливая художественная натура. Если удел человека в этом мире - страдать, как утверждают экзистенциалисты вслед за Ницше, то можно сказать, что

Тилли обладает иммунитетом против этого «недуга» - он имеет подлинно творческие способности. Творческий подход ко всему - сотворению песен, нового слова, труду и т.д. - просветляет его душу, заражает энергией, поднимает дух.

Сыграть бы мне на скрипке, да боюсь -
По струнам огонек не побежит ли,
Натруженный смычок не задымит ли,
Мне бороду огонь не опалит ли?
Мне песню бы запеть, да я боюсь -
Вдруг крылья мой напев не обретет ли,
И крылья те, взлетев, не распахнет ли,
Мне сердце этот взмах не разорвет ли?
Сплясать бы от души мне, да боюсь -
Чуваши вслед за мною ведь запляшут,
Не треснет ли тогда земля, как чаша,
Не станут ли все клясть тогда чувашей?

Обладая мудрым пронизательным взглядом, Тилли бывает ироничным и по отношению к себе. Так он парадоксально заявляет: «Хоть я и дожил до преклонных лет, мне завещать вам нечего, друзья». Действительно, по-настоящему мудр не тот, кто выставляет напоказ багаж накопленных знаний, а те, что приходят к печальному выводу:

Чтоб разгадать загадку бытия,
Жизнь человека, видно, коротка.

Цикл стихов «Песни Тилли» несет на себе яркий национальный колорит. Вместе с тем лучшие стихи этого цикла отмечены печатью высокой художественности и классического совершенства. Они достойно заняли место в одном ряду с лучшими образцами мировой лирики. Творческие достижения чувашского поэта вошли в сокровищницу общечеловеческих ценностей.

Педер Хузангай ушел из жизни 4 января 1970 года и похоронен в Чебоксарах.